

(B{T

A}D{T
AKBA{B

ДОБРОТЫ

(В{Т ДОБРОТЫ

А}Р{Т
АКБА{В

Стихи

Перевел с карачаевского
Яков Козловский

Ставропольское
книжное
издательство
1990

Несколько слов от переводчика

В своем журнале «Современник» (январь, 1836 год) Пушкин опубликовал рассказ Султан Каз-Гирея «Долина Ажитугай» со своим послесловием.

В послесловии этом он, в частности, писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей...»

Давно Кавказ не полудикий, но великий Пушкин предвосхищал то время, когда в равноправии, в братстве сольются литературы многоязычного Отечества.

Кстати, ни один край нашей родины так духовно, так литературно в прошлом веке не был связан с русской музыкой, как Кавказ.

Вспомните самого Пушкина, судьбу и поэзию Лермонтова, его прозу, романы и повести Марлинского, долю Грибоедова, «Хаджи Мурата» Льва Толстого и многих других замечательных русских писателей.

Вспомните, что первый рассказ Горького был напечатан на Кавказе.

Я немало переводил стихов кавказских поэтов. А вот теперь перевел стихи Азрета Акбаева, который пишет на карачаевском языке. Связь его родины — Карачая — с Россией давняя. Еще в 1828 году Карачай принял подданство России. Чем меня привлекли стихи Акбаева? Да тем, что в них присутствует неприукрашенная жизнь. Жизнь такая, какая она

есть, со всеми ее надеждами, радостями и печальями.

В «Руслане и Людмиле» Пушкин писал: «Где русский дух, там Русью пахнет». Когда я перевожу иноязычного поэта, для меня необходимо, чтобы пахло той землей, на которой он родился. Это очень важно. Пусть каждая звездочка светит по-своему.

Яков Козловский

Свистнув, с вершины срывается ветер,
Ведут чабаны у костра разговор.
В какой бы дали свою смерть я ни встретил,
Меня погребите средь отческих гор.

На берегу Кубани

Стоит село на берегу Кубани,
Чей каждый дом белеет в синей рани,
Как будто лебедь. И само село
На стаю лебединую походит,
И плещется река, и колобродит,
Раскинувшись лазурно и светло.

А на речном зеленом берегу
С утра пасется стадо на лугу.
Рога склоняя будто бы короны,
Пьют из Кубани белые коровы,
И волны льнут к ногам их на бегу.
А за селом

воистинно, как диво,
Сестрою солнца золотится нива,
Творенье рукотворное она.

Встает заря, и небо на востоке
Алеет, словно в свекловичном соке.
И слышится мне имя: «Кулистан»,
Ах, не ее ли волей так багрян
Свод неба над угодьем свекловичным?

И голосом окликнул кто-то зычным:
«Эй, Магомед!»

И парень в свой черед
Махнул рукой и дал машине ход.

С отарой в горы двинулся Халит,
Пусть бурка от дождя его хранит,
И слышит он, как в облаках Кубань
Летит, ущелья озвучив гортань.

Куда бы судьба меня ни вела...

Чтобы на людей полюбоваться
И родных и сопредельных мест,
По крутым дорогам подниматься
В жизни мне вовек не надоест.

Мчат потоки, разрывая груди
Об утесы гор,

и всякий час

На созвездья вы похожи, люди,
Ну а я — на спутник среди вас.

И всегда, где миром правит разум,
Честь и совесть высоки в цене,
К вашим, люди, песням и рассказам
Сладостно прислушиваться мне.

Мил и лязг кинжальный, и певучесть
Ваших слов душе моей земной.
Облегчить бы чью-нибудь мне участь
И печаль утешить под луной.

Кровно с вами связан я судьбою,
И, шагая по гряде годов,
Ради вас пожертвовать собою
Я в мгновенье каждое готов.

Последнее дыхание

Все люди смертны — так устроен свет,
Бессмертной плоти на планете нет,—
Зато бессмертно слово, коль оно
На свет высоким духом рождено.

Завещано любому искони:
«Не в сундуке богатство ты храни,
А в доблести и в славе, и в любви.
И после смерти в подвиге живи!»

Из всех богатств обязан человек
Копить богатство духа целый век.
Хоть зло в подлунном царствии старо
В такой же древней мере, как добро,

Но вечно в мире добрые дела
Торжествовали над деяньем зла.
Бесплодна зависть. Из ее семян
Рождаются не розы, а бурьян.

Бесплодна глупость, как бесплодна тьма,
Но плодоносит ясный свет ума.
Дар истинный всегда исполнен чар,
И освящен добром прекрасный дар.

И наша жизнь, хоть слишком коротка,
Она способна озарять века.
Со смертью рядом мы живем всегда,
Но светит нам заветная звезда.

Она зовет поступки совершать,
В которые вчekanится печать

Добра и блага.

Пусть нам сквозь года
Призывно светит вечности звезда.

Умершие не воскресают,

но

Жить в памяти достойным суждено.

И жизнь свою пожертвовал бы я,

Когда б вернуть смог из небытия

Хоть одного,

кто тем лишь знаменит,

Что славы был достоин, но забыт.

Барабанит дождь вешней поры,
Ярко солнце сквозь тучи сверкает.
Словно мост,

две соседних горы

Дивно радуга соединяет.

Слышу облака голос:

— Лови!

Ах, схватить бы его мне в охапку,
И на голову,

будто бы шапку,

Нахлобучить во славу любви.

О тебе, моя милая,

MHe

Предаваться раздумью отрадно.

И весна, словно ты, ненаглядна,

И с тобой делит власть наравне.

Трав и листьев,

любви не тая,

Понимаю язык упования.

Не к тебе ли иду на свиданье

По весеннему городу я?

Лунные руки

У слиянья двух рек —
Теберды и Кубани —
Руки вскинула ты
На смеркавшей грани.

Словно лунные крылья,
Они предо мною
Засветились во мгле,
Озарясь вышиною.

Под ногами тропа
Или путь это Млечный?
И звучит в тишине:
«Здравствуй, друг мой сердечный!

То, что встречу тебя,
Знал с утра я заранее
У слиянья двух рек:
Теберды и Кубани».

«Подношу вам обоим
Свою благодать я», —
Говорит Карачаевск,
Раскрыв нам объятия.

И сплелись не впервой
Пред часами ночными
Твои лунные руки
С моими земными.

И мерцает звезда
На высоком платане
У слиянья двух рек:
Теберды и Кубани.

Встречал людей я

Встречал людей я на путях земных
И в меру добрых, и не в меру злых,
И оценить пороку непредвзято
Поступков не могли они своих.

Судили ближних,
 строгости полны,
И малой не прощали им вины,
А прегрешенья собственные в жизни
И ясным днем им были не видны.

И оттого мне грустно, что вокруг
Иных съедает зависть, как недуг,
И о себе кричат они тщеславно,
Хоть перед миром нет у них заслуг.

Встречались и такие иногда,
Раскаянье которым,
вот беда,

Неведомо.
И лица их ни разу
Еще не пламенели от стыда.

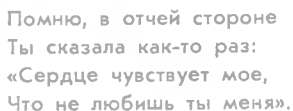
Клубится часто напускной туман,
За словом лжец не станет лезть в карман,
Считает он, что ты баран,
и снова

Тебе всучить старается обман.
Корысть свою,
 вдувая пыль словес,
Возносит, как державный интерес.

Впадает перед святостью в измену
И подлеца возносит до небес.

Того могу простить я, кто в былых
Ошибках сам раскаялся своих,
В ком угрызенье совести сильнее
И сна и яви, и забот мирских.

Ума и чести люди мне милы,
Чьи помысли отважны и светлы.
Ценю людей, которые для мира
Творят добро, не требуя хвалы.

И при этом твой укор
Холодом дышал, под стать
Ветру, что сорвался с гор,
На которых снег лежит.

И была большая печаль
В сердце маленьком твоём,
Словно в зеркальце,
 где вдруг
Отразилась гора.

«Много звезд — одна луна,—
Я сказал тебе любя.—
Мне из женщин всех
нужна
В этом мире только ты».

На земле казахов

Неоглядные степи, и доли, и горы.
Это земли казахов с далеких времен,
Где распахнуты годы, как вешние воды,
Где стрелы оперенной мне слышится звон.

Облака, словно юрты, кочуют по небу
И былых поколений мерцают вдали очаги.
Здесь относятся к слову, как будто бы к хлебу,
С превеликим почетом.
И беркуты чертят круги.

«Мир тебе!» —

говоря я казахскому краю.
Говорю ему: «Здравствуй!» И восклицаю: «Живи!»
Поклоняюсь Джамбулу и кланяюсь низко Абаю,
И при этом, кавказец, своей не скрываю любви.

Побратались в пути два напевных потока,
Мне поэзии истинной слышится глас,
С музой русской сливается муза востока,
Общим небом, как всадник, летит Сулейменов Олжас.

И в груди его сердце, как будто открытая рана,
И завидному дару дана превеликая власть.
В слове русском не тесно степям Казахстана,
В слове русском пылает казахская страсть.

Целину поднимала страна в Казахстане.
Эту пору забыть никому не дано.
Я же помню еще

ком ~ обиды, засевший в гортани,
На Кавказ заслоненное, словно туманом, окно.

Хоть тебе, Казахстан,
 не давал я зарока
Забывать о печали,
 сказать откровенно могу,
Никогда от меня не слышал ты упрёка,
Я всегда пред тобой оставался в долгу.

Родники твои жажду мою утоляли,
И твои земледельцы кормили меня,
Твои женщины детство мое обласкали,
Согревался вблизи твоего я огня.

Речь казахской степи вспоминаю поныне,
Голос вольного ветра, и ливня, и птиц,
Голос сердца, подобного горной вершине,
И сыновней любви,
что, как небо, не знает границ!

История одной любви

Ты и теперь, как в юности, красива...
Когда тебя увидел я впервой,
Почудилось, что мне явилось диво,
И до утра бродил я сам не свой.

Потом тайком мы встретились с тобою,
Цвела долина, мчалась Теберда.
И думалось в надежде, что судьбою
Мы связаны отныне навсегда.

Но говорят: нет счастья без печали,
Порою к свадьбе путь бывает крут.
Мы знали оба, что тебя едва ли
Отец и мать мне в жены отдадут.

И вдруг совет
ты, ангел мой небесный,
Мне подала:
«Ты укради меня,
И стану я похищенной невестой,
Чтоб отступила вся моя родня».

И я увез тебя в свое селенье,
Как будто бы насильно умыкнул.
Была гроза,
огня возникновенье
пронзало тучи и рождало гул.

Метались птицы, обезумев словно,
И в свете стреловидного огня,
Тебя спасать, объединившись кровно,
Как по тревоге, кинулась родня.

Мне громогласно гибель предрекая,
Она примчалась волей старины.
И молнии воинственно сверкая,
Казалось, были ею взметены.

Наперекор теперешнему веку,
На приступ дома кинулась толпа,
И мне, как самозваному абреку,
Судом грозила, в ярости слепа.

Хоть женщина какая-то старалась
Ее унять: «Украл-то по любви!»,
Но к разуму глухою оставалась
Толпа, оскалась: «Аллаха не гнечи!

Жених нашелся!

Нам с его ли родом
Вступать в союз, овечья голова?!»
«Разбей вас гром под вечным небосводом,
О девушке подумали б сперва!»

И в дом отцовский силою была ты
Из дома моего увезена.
О сколько слез горючих пролила ты,
Любви своей незыблемо верна.

Печально полыхал огонь закатов
И проплывали медленные дни.
Я знаю, ты отвергла многих сватов,
Идя наперекор своей родни.

И раненая вознестись сумела
Любовь,

на счастье предъявив права.
Завидного добились мы удела,
И горы обошла о нас молва.

Салам

Заре зардевшейся салам,
Салам вершинам и орлам,
Салам сосне, что в вышине
Видна под облаками мне.

И вишне!

Пусть вблизи окна
Стоит, как в облаке, она.

Салам и плугу, и волам,
И полю хлебному салам!

Салам под вечною луной
Всем колыбелям до одной.

Лихому всаднику салам,
Пусть даст он волю удилам!
Салам коню, что на скаку
Не изменяет ездоку.

Гость в дом войдет
и пополам
Хлеб переломим мы:
— Салам!

Салам реке, и роднику,
И отческому языку,
Цветку, что вырос на скале,
Салам всем людям на земле!

Любви прекрасные черты

Когда страдания людские
Переживаешь, как свои,
То значит ты в подлунном мире
Исполнен истинной любви.

Когда ты к отчему порогу
В дороге льнешь с любой версты,
Являешь ты в подлунном мире
Любви прекрасные черты.

Нельзя любить отчины,
если
Земли не любишь, где рожден.
Так в мире есть,
так в мире будет,
Так в мире было испокон.

Отчизну Матерью не может
Тот даже в мыслях называть,
Кто в суете житейских буден
Родную забывает мать.

И под луной желай всем детям
Ты счастья на грядущий сон,
Как это принято у горцев
В подлунном мире испокон.

И если жизнь отдать в сраженьи
Не дрогнешь за отчизну ты,
Твои вовеки не померкнут
Любви прекрасные черты.

Не забудь меня

Кричит прощально журавлиный клин,
И желтая листва летит под ноги.
Уехал ты,
и не свожу с дороги
Я взгляда. И туман ползет с вершин.

С тех пор, как повстречались мы с тобой,
Я о тебе лишь думаю, предавалась.
И в том сама все больше убеждалась,
Что мне любовь ниспослана судьбой.

Ты сделался и сном моим, и явью,
И потому среди земных сует
Я предавалась женскому тщеславию,
Что твой на мне сошелся клином свет.

И если даже лягут между нами
Морской простор и горные хребты,
Не перестанет чудиться ночами,
Что вновь меня зовешь в объятья ты.

И в дни, когда лью слезы от разлуки,
И мне тревога надрывает грудь,
Сквозь версты я протягиваю руки
И заклинаю:

«Милый, не забудь!»

Берегите сосны

Сосны в каменной округе
К облакам вознесены,
Словно в красные кольчуги
Их стволы облачены.

Лег уверенно на плечи
Сосен
 облачный шатер
И вести им сладко речи
О земле родимых гор.

Королевы Карачая,
Привечая ездовых,
Знают,
 склоны гор венчая,
Тайны многие веков.

Грозовые ветры дули...
И гнездятся, охладев,
Еще битв минувших пули
В бронзовых стволах деревьев.

К этим соснам льну я взглядом
В незакатной вышине.
С пламенем их гордым рядом
Находиться мило мне.

Станет, слившись с высотой,
Пусть в пределах дорогих
Наш восторг пред красотой
Грамотой охранной их.

Мой Карачай

М. А. Хубиеву

Когда произношу я: «Карачай!»,
Передо мною разве невзначай
Вершины гор с Эльбрусом во главе
В орлиной возникают синеве?

И водопадов слышится мне гул,
Где скалы в свой бессменный караул
Когда-то встали на заре веков
В клубящемся тумане облаков.

Когда произношу я: «Карачай!»,
То голос предков слышу:

«Привечай

Душою и очами все вокруг
И нас не забывай, любезный друг!»

И вижу я отару на лугу,
И рядом с тучей радугу-дугу,
И нартов тени на вершинах гор,
И чабана языческий костер.

И воскресают образы лихих,
Ходивших в бой

сородичей моих.

Не зря гордится ими Карачай,
И ты, мой стих,

вновь славой их венчай!

Звучит «орайда!» в горной вышине
И эхом отзывается во мне.

Их удали пыл древний не угас...

Веселья час —

и ринувшийся в пляс,

Напоминает огненный вихор

В селении подоблачном танцор.

Наследники аланов мы,

чей след

Еще поныне излучает свет.

Где вознесла наследственно скала

Над дымной бездной дикого козла.

О, Карачай мой!

Был бы я велик,

Когда б сумел запечатлеть твой лик,

Но не под силу это сделать мне.

И наяву я сердцем, и во сне

Льну к слову твоему и шелесту дерев,

К потокам, чей схож с клёкотом напев.

Да будут закрома твои полны,

Тучны отары, резвы скакуны.

Когда б ослеп я,

все равно бы смог,

Без посоха и вдоль и поперек

Пройти тебя на память, Карачай,

Любви моей благословенный край!

Горы Балкарии

Б. Этезову

Просыпается, видя рассвет,
Белоплечий балкарский хребет.

Ах, не он ли опора небес,
Грань крутая речного разгона?
На хребте этом бронзовый лес,
Сосен взмывших с гранитного склона.

Незнаком ли ты здесь иль знаком,
Гость для горца дорожке подарка,
И айран тебе —

будь кунаком —
Поднесет, поклонившись, балкарка.

А появится тур на скале,
Ты оценишь, какой он красавец.
И останется пуля в стволе,
В красоту не стреляет балкарец.

Я в аул Ак-суу как-то раз
Заглянул,
где взлетевший под тучи
Друг мой с детства на дне своих глаз
Уместил эти вечные кручи.

И балкарцев свободный язык
Соплеменно мне в сердце проник.

И сумел убедиться я сам,
Что язык этот зычный от века

Ближе многих других к небесам
И к огню среди горного снега.

Пусть балкарская песня звучит,
Сердцем знаю ее наизусть я.
Светят звезды над ней Приэльбрусью,
Журавлиная стая летит.

О жизнь...

Жизнь морю бурному под стать,
И чем-то с рыбой схож я,
ибо

Расставленную сеть опять
Стараюсь обойти, как рыба.

Жизнь, словно горы,
где крута
Дорога у подножья сини,
Где опьяняет высота
И сердцем тянешься к вершине.

Жизнь, словно степь:
ей края нет,
И сквозь распахнутые дали
В надежде путь по воле лет
Держу,
не сторонясь печали.

Мечта ведет нас сквозь года,
И знаю —
путник неприметный,—
Что в жизни тайна есть всегда
И к ней мы ищем ключ заветный.

Весь век нам образ жизни мил,
И молим небо мы и сушу,
Чтоб ангел смерти Азраил
Не прилетал по нашу душу.

Колыбельная песня

Месяц на небе возник,
На тебя бросая взор.
Баю-баю,
 твой бешик¹
Я качаю среди гор.

Птиц умолкли голоса,
И вокруг в родном краю
Спят долины и леса,
Баю-баюшки-баю.

Звезды светятся в росе
И туман в теснине лег.
Мне отдай печали все,
Когда вырастешь, сынок.

И скала, как волчий клык,
Стала белой в вышине.
Баю-баю,
 твой бешик
Я качаю в тишине.

Сны окутали Домбай,
Все вокруг во власти сна.
Баю-баю, баю-бай,
Только я не сплю одна.

¹ Бешик — колыбель (с карач.).

Возле синего окна
Птичка резвая одна
Появилась...

— Глянь-ка, амма¹,
Как над нашей крышей прямо
Вьется птичка, грудь бела!

— Это вестница тепла!
Невеличка, как синичка,
Ласточкой зовется птичка.

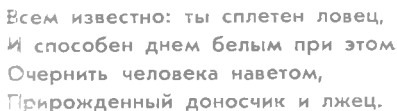
Хвост ее, ни дать, ни взять,
Черным ножницам под стать.

Шейка с красным ободком.
Кто с касаткой незнаком?
Прилетит, пером черна,
Тут уж знай — пришла весна.

Мчится небо посреди,
Пахарь в поле выходит...

На пороге амма внучку
Взяв за маленькую ручку,
Вышла с ней весну встречать:
— Глянь, какая благодать!

¹ Амма — бабушка (с карач.).

На работе вновь делаешь вид,
Что усердней любого другого.
И начальника каждое слово
Твой язык повторить норовит.

Утопить сослуживца горазд
В ложке дегтя,
 изменчивый в дружбе,
Если это хоть малое даст
Для тебя продвиженье по службе.

Улыбнешься, встречая хвалой,
И немедленно сменишь личину,
Ядовитой стреляя хулой
Человеку достойному в спину.

Не надейся на прежний успех,
Впредь на людях не стану молчать я.
«Ты подлец! —

заявляю при всех.—
И всадить в тебя рад я проклятья».

Первый луч

Встало утро из-за круч,
И, проснувшись,
первый луч
Снова, как заведено,
Проскользнул в мое окно.

Пребывавшему во сне,
Он с подушки
в ухо мне
Прошептал:
«Вставай! Проснись!
Росы на поле зажглись».

Право, был бы я везуч,
Если б мог, как этот луч,
Возникать в твоём окне
И шептать,
склонившись к уху,
Те слова, что будут слуху
Слаще, чем в медовом сне.

Сходство

Походит степь на степь порою,
И схожи звезды над горою,
И схожи на лугу цветы,
Деревья схожи и кусты.

И поле битвы,
 где осколки
Свистели в прошлую войну.
Где слышен голос перепелки
И травы вздыбили волну,

Легко нам перепутать с полем,
Где не гремел огонь войны.
Но память горько мы неволим,
Воспоминаниям верны.

И одинаково мы плачем,
И одинаково удачам
Мы радуемся,
 и у нас
Един порою звездный час.

И с человеком я прохожим
Вдруг чем-то становлюсь похожим.
Не тем ли, что в тревоге с ним
Под небом мы живем одним?

Даруй нам, сходство,
 к истине стремленье,
Даруй нам, сходство, чувство доброты,
Даруй нам, сходство, самоотрешенье
И от тщеславья, и от суеты.

Миниатюры

В печали был я посохом слепых,
В печали был я голосом немых,
И получил не потому ли право
Я говорить от имени других.

По случайности глупой погиб человек.
«Так угодно судьбе»,—
 произносит сочувственно кто-то.
Так угодно?.. Во имя какого расчета?
Ради цели какой? Я понять не сумею вовек.

Однажды из клетки грудной
Ты вырвешься, сердце шальное,
Но долго гулять под луной
Не сможешь — ведь ты не стальное.

И взмолишься:

«Не обессудь!» —

Тая еще свежую рану.
И я, распахнув тебе грудь,
Корить и гневиться не стану.

Но всякий раз, войдя в объятья сна,
Себя, как прежде, видит тамадою.

Во мне одно рождается желанье,
Когда чужое вижу я страданье,
Его скорей утешить, утолить,
А если не поможет — разделить.

Как скакуна чужую ты строку
Угнал, но помни — неизбежна кара:
Горяч скакун, и на скаку башку
Сломаешь ты — ездок, лишенный дара.

Куда б душа ни ринулась моя,
Ты ей и днем и в звездный час сопутствуй.
О чем стихи ни сочинял бы я,
Любимая, ты в них всегда присутствуй.

Ты молча глядишь мне в глаза,
В них все мои мысли читая.
День ясный ты мой
и гроза,
Годов судьбоносная стая.

Закатное солнце я вижу в окне
И думаю снова о завтрашнем дне:
Что я оставил на житнице лет
Тем, кто за мною шагает вослед?

В каждом походе быть должен привал.
Сижу, отдыхаю.

Гудят мои ноги.
И мочи нет двинуться, так я устал,
А думы еще пребывают в дороге...

Был сорванцом я в пору детских лет,
Но маму успокаивал сосед:
«Вот подрастет и поумнеет разом»,
Но в юности, как прежде, я проказам
Власть предавался.

И пророчил дед:
«Остепенится с истеченьем лет».
И вправду стал с годами я иным,
Но завистью пылаю к молодым.

«Пожелай, сорву звезду для тебя с небес ночных!» —
Как-то раз в пылу любви я беспечно произнес.

Улыбнулась грустно ты и сказала:

«Мой жених,

Лучше ты меня люби, чтоб вовек не знала слез».

О, родина моя, когда смогу
Воспеть тебя, как ни один поэт,
Знай, все равно останусь я в долгу
Перед тобой, единственный мой свет!

В трудах о нынешнем ты позаботься дне,
И приложить умение будь любезен,
Чтобы поднялся завтра он в цене
И этим стал вдвойне тебе полезен.

В тщеславье река, захлестнув берега,
Напрасно лишь тратила силу.
И собственной алчности жадный слуга
Не взял ни копейки в могилу.

Тебе помочь старался я, как другу,
Надеясь оказать всегда услугу
Твоей заботе.

Но в недобрый час,
Когда я сам нуждаться стал в подмоге,

* * *

Так учкуланцы*, небо их храни,
Валяют бурки, мастерством прославясь,
Как прадеды валяли искони,
И здравствует искусство их, не старясь.

* * *

Кормилица земля, тебя беречь все люди
Обязались,
но в гневе вижу я:
Всадить ножи в твои стремятся груди,
Как нелюди, иные сыновья.

* * *

«Об отчизне ты спой на родном языке
Перед чистой луной и кремнистой дорогой». —
И сказал он:
«Ты старую рану не трогай», —
И запел не по-горски в душевной тоске.

* * *

Ты говоришь: «Все знаю о тебе»,
Идя за мною тенью вороватой,
Но кто ты есть, я знаю, соглядатай,
Познав тебя по этой вот «ходьбе».

* Учкулан — аул в Большом Карачае.

В твоём обличе не найти изъяна.
Стройна, красива... Только вот беда
Душа твоя гнездовия обмана
И ложь в устах не ведает стыда...

Известно людям юным и бывалым,
Что мнений двух увенчан ты венцом:
Подлец тебя считает честным малым,
А честный малый — сущим подлецом.

Сосна голубой стороны

I

Рдеет киноварь коры
В соколиной вышине.
Ты с младенческой поры
Все мне видишься, сосна.

С небом голубым не врозь
Взгляд бросала среди гор
В колыбель мою ты сквозь
Зелень колкую ресниц.

И шептавшая: «Не плачь»,—
Словно женщина в горах,
Ты желала мне удач,
Облачно благословив.

II

Стала тесной колыбель,
И ступил на землю я,
И по ней иду досель,
Цену многому познав.

Двери заповедный лес
Распахнул передо мной,
Как павлиний хвост небес,
Он переливался весь.

И с младенчества постиг
Я, как отческую речь,

Сосен золотой язык,
Что приятен для бесед.

Помню, мне сказала мать,
В дождь укрывшись под сосной:
«Видишь, радуга опять
Между двух вершин легла.

Если ты перешагнешь
Семицветный этот путь,
Неприменно обретешь
Облик девичий тотчас.

Так народ наш предрекал
Мальчикам спокон веков». —
«Ну и пусть!» — я закричал
И помчался в небеса.

Я меж сосен среди скал
Радуги не смог достичь,
Но поверье до сих пор
В памяти моей живет.
Что не должен мальчик гор
Радугу пересекать.

III

А потом пришла пора
Лета худшего из всех,
От которого добра
Нам не приходилось ждать.
За руку меня вела
Мать на станцию. Мы шли
Целый день, куда мгла
Нас не скрыла от вершин.

Матери запавших глаз
Не забуду я вовек.
И, казалось, слов у нас
Больше не было в груди.

Поезд отбыл на восток,
И, осиротив Кавказ,
Стал растягивать злой рок
Годы, месяцы и дни.

А на соснах, говорят,
Слезы светлые смолы
Почернели, как агат,
Горестно окаменев.

Сквозь беспамятный туман,
От Кавказа вдалеке,
Нам светила, как Чолпан¹,
Вера, что вернемся мы.

Мне порою по ночам
Сосны виделись во сне.
И текло по их плечам
Солнце, встав из-за вершин.

Только чудилось: они
Онемели в вышине.
И способны лишь одни
Вздохи издавать теперь.

Мать шептала мне не раз
Со склоненной головой:
«Потерпи, сынок, и глаз
Ты слезами не тумань».

¹ Чолпан — утренняя звезда, Венера.

И хоть мальчиком я был,
Плакал на груди ее,
Словно я переступил
Радугу, девчонкой став,

И отец входил в мой сон,
Говоря: «Держись, сынок!»
И, погибший, гладил он
Голову мою в тоске.

IV

Сосны в отчей вышине
Сквозь дымящуюся мглу
Представлялись стадом мне
То оленей золотых,

То, казалось, в журавлей
Превратясь,
 они с небес,
Над просторами полей
Подавали кровный зов.

Память — верный талисман,
И к тому же искони
Исцелителем всех ран
Время под луной слывет.

И воочью вновь видны
Мне в домбайской вышине
Сосны вольной стороны —
Соплеменницы мои.

Я — не мальчик.
 И у них
На ресницах — серебро.

Как сестер своих родных,
Сосны обнял я в горах
И по солнечной коре
Слезы светлые текли.
Право, был по той поре
Всех счастливей в мире я.

Время исцеленья ран,
Боздавал тебе я честь.
И заздравный пил айран*
Я за родину мою.

* Айран — древний молочный напиток у карачаевцев.

По русскому полю шагаю

По русскому полю шагаю
Я, горец,
 как будто впервые,
И радуга в каждой росинке
Мне видится вновь на заре.

И слышится ласточек щебет
И нивы приветливый шелест,
В которую солнце под осень
Свой лик золотой перельет.

Льнет речка к ногам безмятежно,
И в ней на зеркальной волне я
В отличие от речек кавказских,
Свое отражение вижу.

Звенит колокольчик лиловый
И светлой печали исполнен
Пленительный звон его в поле
Под колокольной небес.

А вот и калина, чьи грозди
Еще заалеют, как лалы,
И выдыхаю невольно:
— Здравствуй, Василий Шукшин!

Вдоль поля иду по дороге.
А на дорогу березы
Вышли, в зеленом убранстве
Белые пряча тела.
В прошлый приезд здесь вот так же

Шел я. И вижу: навстречу
На расписном коромысле
Девушка ведра несет.

В ведрах округлое солнце,
В ведрах округлое небо
Вместе с округлой водою
Светятся, дивно искрясь.

И поздороваться рад был
С девушкой я. И сказал ей:
— Благодарю, что навстречу
Полные ведра несешь.

Она улыбнулась: — По виду
С Кавказа приехал ты, парень,
И я поняла, что примета,
Обмолвился ты о которой,
Одна и у вас, и у нас.

— А как твое имя? — Маруся.
И щеки покрылись румянцем.

— У нас нынче свадьба, кавказец.
Вон видишь — дом третий от края
Дороги, что тянется в город.
Ты честь окажи нам: будь гостем!
— Приду непременно, Маруся.
А кто же невеста?

— Да я!..

Шел месяц осенний. На свадьбу
Явилось, считай, все селенье.

Из города прибыли тоже
Сородичи юной четы.

Все в праздничных были одеждах,
И не отличались нисколько
От деревенских нарядов
Наряды гостей городских.

О музыки русской напевы,
Веселые песни, частушки,
И попережку страдания,
Что протяженной годов.

Вся в белом наряде невеста,
Как будто бы майская вишня.

И парни глядят холостые
С завистью на жениха.

Сдвинуло чарки застолье:
— За молодых!

И раздался
Возглас, что эху подобен:
«Мир да совет!»

И, ликуя,
«Горько!» — вдруг грянули гости,
«Горько!» — звучало вокруг.

Жених и невеста на людях,
Обнявшись, слились в поцелуе.
«Горько!» —

и слева и справа
Не унимался народ.

Тысячелетний обычай
Свадебных пиршеств России...

А на карачаевских свадьбах
Вольности нету такой.

Тут мой сосед поседелый
При орденах и медалях
Блестящим глянул на бабу
И, приоснясь, сказал:

— Помнишь войны накануне
Нашу мы свадьбу справляли.
Хоть победнее, чем эта,
Свадьба была, но зато

Как на ней лихо плясали,
И не сочтешь, сколько песен
Было душе соприродных
Спето во славу любви!

Главню под звуки гармоні
Побеждю белой Маруся
Едруг поплыла пред гостями
С белым платочком в руке.

Света медового месяц
Тонко всходил над деревней
С той стороны,
где Кавказа
Видел я гребни вершин.

Рожденный в подножье Эльбруса,
Стою у подножья Кремля я,
Чьи гордо Москвою-рекою
Стражены купола.

Есть реки и глубже, и шире,
Есть реки стремительней,
только

Одной из них выпала слава
Быть зеркалом тем куполам.

Вот белое облако в небе
Плывет и, быть может, Кавказа
Дыханье вершин белоснежных
Дарит куполам золотым.

Ударили гулко куранты,
По ним, как повсюду в державе,
Давно и в горах Карачая
Сверяют все горцы часы.

Торжественно с Мавзолея
Сменились бойцы молодые.
На Красную площадь вхожу я:
— Привет тебе, Мекка моя!

Немало познал ты печали,
Народ мой кавказского рода.
Лжецы и шайтаны наветом
Тебя очернили в войну.

Но к золоту грязь не пристанет,
И правда восстанет из пепла.
И в это мы верили твердо,
Как в непоколебимость вершин.

Нам виделась Красная площадь
И Ленина слышалось имя.

И в нашей печали Россию
Никто не винил никогда.

И разноплеменных народов
Сливаются чувства и мысли
На площади Красной,
в чей образ
Вчеканено Ленина имя.

На главных часах государства
Цари, судьбоносное время.
И чаяньям нашим сердечным
Не измени ни на миг.

И с молодыми бойцами
В почетном стоит карауле
Мой стих, что пылает любовью
К великому братству людей.

Абезек

Древний танец абезек,
Он взрывается, как порох.
И душе моей он дорог —
Древний танец абезек.

На носках летит танцор,
И, едва земли касаясь,
Молод он и лих на зависть,
И походит на костер.

Преисполненная чар,
Девушка плывет, как пава,
И стройна и величава,
На груди ее кямар¹.

Осененный высотой,
Глянул парень на подругу,
И плывут они по кругу
Восхитительной четой.

В окруженьи вольных рек,
Как огонь, летит сквозь годы
Древний танец абезек.
Да не выйдет он из моды.

¹ Кямар — нагрудное украшение девушек (с карач.).

Памяти Кайсына Кулиева

Когда в подножии Эльбруса
Родился я над Тебердой,
Коня седлал за горным кряжем
Кайсын Кулиев молодой.

Не дописав стихотворенья,
Печальной венчанный звездой,
На фронт уехал из Чегема
Кайсын Кулиев молодой.

Явил он храбрость в перестрелках,
Не разминувшийся с бедой,
И ранен был невольник чести —
Кайсын Кулиев молодой.

Когда народы выселяли
Поры Кавказа тыловой,
В его груди открылась рана
Кровоточивей пулевой.

И вот мы встретились однажды,
Где с Тебердой свод неба слит.
Я был еще неизвестно молод,
Он — повсеместно знаменит.

И не скрывая дружелюбья
В подножии небесных гроз,
Он, сделав дарственную надпись,
Стихов мне книгу преподнес.

На них печать судьбы высокой
И вдохновенья звездный знак.

И неспроста сказал Есенин:
«Поэт поэту есть кунак».

Орлов полету обучая,
Стоит в снегу Эльбрус-гора.
Балкария для Карачая —
Единокровная сестра.

И голос вещего Кайсына,
Летучим облакам под стать,
Умел,
 что помню я отменно,
Легко Эльбрус перелетать.

Мы, вспоминая о Кайсыне,
Затянем песню в лунный час,
И пусть покажется нам ныне,
Что он в Чегеме слышит нас.

Тишина и ребенок

Месяц светит у окна.
Спит ребенок. Тишина.
Сонно чмокает губами,
Словно грудь сосет,
и маме
Эти звуки слаще сна.

Вот отец над ним склонился,
Словно светом озарился
И промолвил:
«Спи, сынок!»

Боевым к словам присловьем
У отца над изголовьем
Блещет дедовский клинок.

В очаге стрельба поленец,
Но спокойно спит младенец,
И, тревог не утоля,
Оставаясь домовитой,
Вечной движется орбитой
Неспокойная земля.

Спит ребенок в колыбели,
И над ним в ночном пределе
Вышла звезд пастись гурьба.
Говорят о том приметы,
Что его и всей планеты
Кровно связана судьба.

Хоть ты уехала...

Как будто радуга взошла
В горах дождю вослед.
Хоть ты уехала, но мне
Забыть тебя нет сил.

В груди моей гнездо свила
Любовь во цвете лет.
Хоть ты уехала, а я
Тебя еще любил.

Волну, умчавшуюся вдаль,
На гору не вернуть.
И сердце у меня в груди
Пустыннику под стать.

Но стала мне сладка печаль,
И выхожу я в путь,
И память о тебе со мной,
Как будто благодать.

Первый снег

Застыли горы, степь и поле,
И новоселие зима
Справляет вновь.
Белы дома,
Блится снег в заглавной роли.

И тихо так, как в давнем веке,
Насторожилось все вокруг.
В низовьях бег прервали реки
И пахарь заслужил досуг.

И льнет к жилью уже синица,
С людьми налаживая связь.
И первозданно снег ложится,
В пространстве медленно кружась.

И дыма голубые клубы
Плывут за облаками вслед.
Детей улыбки белозубы,
А радость — излучает свет.

Придя на свиданье

Придя на свиданье,
Ты милого ждешь у скалы,
А он уже здесь,
И ступив к тебе из полумглы,
Рвется к сердцу прижать
В нетерпеньи мужском.
«Ой, не надо,— ты шепчешь,—
Ведь люди кругом».

«Да никто не увидит
Нас здесь у скалы,
Село солнце,
И в гнезда вернулись орлы».

И горят ее щеки,
И рдеют слова на устах,
А его нетерпенье
Сильнее, чем девичий страх.

«Знай, глазасты соседки!»
«Да им разглядеть нас невмочь»...
Над ущельем плывет соловьиная ночь.

Спасибо, речка

Спасибо, речка голубая,
Тебе за то сказать могу,
Что среди гор судьба судила
Жить на твоём мне берегу.

Ты отражаешь неизменно
И звезды, и полдневный свет,
И в тишине твой бег напевный
Ласкает слух мне с детских лет.

Приход зари благодарю я,
И над тобой, моя река,
В дни радости и в дни печали
Мне мысль о родине сладка.

Еще благодарю я небо
За то, что мне в кругу высот
Перо в минуты вдохновенья
Оно незримо подает.

Гяхыник

Солнца затеплился лик,
Склоны внизу зелены.
Здравствуй, трава гяхыник —
Вестница ранней весны.

Рады крестьяне, когда
Сменишь ты снежный покров.
Вот уж пасется орда
Коз и овец, и коров.

Солнцем наполнен родник,
И неспроста говорят:
«Больше всего, гяхыник,
Сладостен ты для ягнят».

Пастбищ отгонных черед
Близок уже,
а пока

Рядом с аулом скот
Впалые полнит бока.

Вскоре близ вечных снегов,
Снова, хоть путь туда крут,
Травы альпийских лугов
В небо овец зазовут.

А лошадей и коров
Будут, как скот гулевой,
Вновь выгонять из дворов
Ближней кормиться травой.

¹ Гяхыник — ранняя трава (с карач.).

Первых скворцов в синеве
Зычный разносится крик,
Словно во славу траве
Той, что зовут гяхыник.

Дерево Сталинграда

Вот дерево.

Оно живым из ада
Сумело выйти, смерти вопреки,
В прострелянном пространстве Сталинграда,
Где погибали целые полки.

И для бойца порой укрытьем было,
До всех ветвей огнем опалено,
То дерево.

И, как судьба судила,
Сегодня чудом кажется оно.

К его стволу прижался я щекою,
И отзвук боя долетел ко мне.
Мне ведомо: над Волгою-рекою
Отец мой здесь сражался на войне.

И, может быть,
за полчаса до смерти,
Когда стрелять пришлось почти в упор,
Он бросил в сталинградской круговерти
На дерево единственное взор.

Наперекор и ранам, и ожогам,
Необъяснимым чудом спасено,
Нам дерево поведало б о многом,
Когда б язык имело бы оно.

Мы из его правдивого рассказа
Узнать смогли бы тысячи имен
Героев и России, и Кавказа,
И всех других отеческих сторон.

И в городе над Волгою-рекою
Под небесами, ясными от гроз,
К прославленному дереву щекою
Я прижимаюсь, не скрывая слез.

И слышу щебет птичий над собою,
И вижу волн распахнутую даль,
И поклоняюсь памяtnому бою,
И потому горда моя печаль.

О, дерево,—

восьмое чудо света,

Вблизи него — посол людских сердец,
Я чувствую, как движется планета
В надежде войнам положить конец.

Вдоль горных утесов и турьих рогов
Лети, о орайда, по праву,
Как солнечный пламень, касайся снегов,
Гривастых потоков во славу.

Орайда, орайда!

Во имя добра!

О чем бы в застольи не пели,
Мне видится снова чабан у костра
И женщина у колыбели.

Всем сердцем хочу,

чтоб вблизи и вдали

Могли бы в собратском застольи

Запеть: «О орайда!»

все люди земли

В честь мира и хлеба, и воли!

Сорок душ

Однажды встарь какой-то муж,
Как будто в ход пустив кресало,
Сказал:

«У бабы сорок душ!» —
И поговоркой это стало.

В горах, в отличие от шахинь,
В стенах жилищ неизобильных
Рождалось множество рабынь,
И бессловесных,
и двужильных.

Закона норов превозмочь
Не смела верная адату:
Отцу не прекословит дочь,
Сестра — не прекословит брату.

И по селениям к тому ж
Гуляла с пущею охотой
Молва:

«У бабы сорок душ!
С любою справится работой».

Вставала раньше всех она
И позже всех глаза смежала,
Не покладала рук до сна
И люльку по ночам качала.

Оставь, перо мое, оставь
Писать, как раньше жили жены,
Теперь в горах другая явь,
Другие действуют законы.

В почете женщины к тому ж,
Но почему ж в краю высоком
Порой

«У бабы сорок душ!» —
Бросает горец ненароком?

Уголок России

Большой России горный перстенок —
Мой Карачай,—

что там ни говори,
Тебя объехать вдоль и поперек
Весь можно от зари и до зари.

Ты обогреешь в стужу, как очаг,
А в зной — холодный поднесешь родник.
Мерцают звезды на твоих плечах,
Хоть чином ты поныне невелик.

Гнездовие мое — мой Карачай,
Гордись своей высокою судьбой.
И впредь весне свиданье назначай,
И помни пережитое тобой.

Мой Карачай — благословенный край,
Любви к тебе вовек не утолю.
Коль честь твою унижу — покарай,
Но от себя не отлучай — молю!

Живу, как предки, у Эльбрус-горы,
Где реки мчат со скальных рубежей.
Сам Лев Толстой писал, что мы храбры,
А толк он ведал в лихости мужей.

Что мы гостеприимны, написал,
А он-то знал в людском радушье толк.
Мой Карачай,

тебе его похвал
Достойным быть повелевает долг!

Женские глаза

У женщины и вы, быть может, сами
Такие в жизни видели глаза,
В которых и янтарь, и бирюза
Сливаются, как звезды с небесами.

А видели вы женские глаза
Зеленые, подобно малахиту,
Зазывные,
 как вешняя гроза,
Себе служить ресниц призвавших свиту?

Ах, женский взгляд, исполненный любви,
Он для души заветная отрада.
В груди мужчины свищут соловьи
От этого пленительного взгляда.

Пред женским взглядом много пало войск,
И в честь него в веках слагались строки.
Способен камень превратить он в воск,
А льды — в громокипящие потоки.

При свете дня и при ночной луне
Вдвойне тот счастлив на земных просторах,
Кто вдруг увидел женских глаз на дне
Свое лицо, как будто в двух озерах...

Похожи волны друг на друга,
Деревья, горы и цветы.
И даже люди, вставши кругом,
Имеют общие черты.

И повторяются дороги,
И судьбы схожи меж собой.
И мне бы — по советам строгим —
Идти проторенной тропой.

Но неизменно век от века
На неизведанном пути
Дается право человеку
Неповторимое найти.

Возвращение

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий...

А. Тарковский

Ну что ж, пускай судьба ко мне строга,
Чужие ветры надо мной пусть веют,—
За тридевять земель меня согреет
Мысль о тепле родного очага.

Я счастлив знать, что есть на свете дом,
Где все до малой щелки мне знакомо,—
Недаром же любовь к родному дому
Впитал я с материнским молоком.

И помню этот домик под горой,
Как он — меня с певучей колыбели.
О мире репродукторы нам пели
Скупой послевоенною порой.

Я помню это лето, суховей.
Худая крыша молча горбит спину.
Но вкусен запах теплого гырджина¹
На кухне доброй матери моей!

...И вот опять на старое крыльцо
Уже усталым путником ступаю.
Но так скрипит любезное крыльцо,
Так озаряет радостью лицо,
Что радости прекраснее не знаю.

¹Хлебная лепешка.

Я навстречу ветке потянулся,
Увидав последний лист на ней.
Невесомый, он меня коснулся,
Кувыркнулся
и упал в ручей.

Но другое видится поэту:
Не осенний желтый лист плывет,—
Это лето уплывает в Лету,
А другое будет
через год.

Журавли отправились в дорогу.
Скучен старый опустелый сад.
Я шепчу ушедшему вдогонку:
— Ну послушай,
воротись назад...

Но от лета не слышать ответа.
На дворе тоскливо и темно.
Льют дожди, оплакивая лето,
Словно вправду умерло оно.

Вдруг как будто проступила просишь;
Я читаю Пушкина в тиши.
Представляю болдинскую осень
И пишу про осень
от души.

Сыбызгы¹

Вдруг весенний день увял,
Не видать ни зги.
С дрожью старый горец взял
В руки сыбызгы.

И рассыпал соловей
Золотой горох,
Жемчуг сыплется с ветвей
И чертополох.

Вспомнит горец про войну —
Сыбызгы всплакнет,
Чью-то горечь и вину
На себя возьмет.

Сыбызгы умеет звать
Тех, кто далеко,
И рыдает, словно мать
Над своим сынком.

Сыбызгы из мглы веков
Вызволит порой
Думы древних стариков...
Пахарь и герой
Сыбызгы поведал боль,
Думы и дела.
Потому и нам с тобой
Сыбызгы мила.

¹Зурна.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Козловский.	
Несколько слов от переводчика	3
Мой милый край	5
На берегу Кубани	7
Куда бы судьба меня ни вела	8
Последнее дыхание	9
«Барабанит дождь вешней поры...»	11
Зима в Домбае	12
Лунные руки	13
Встречал людей я...	14
«Помню в отчей стороне...»	16
На земле казахов	17
История одной любви	19
Салам	21
Любви прекрасные черты	22
Не забудь меня	23
Берегите сосны	24
Милая, молю я: «Приходи!»	25
Мой Карачай	26
Горы Балкарии	28
О жизнь...	30
Колыбельная песня	31
«Возле синего окна...»	32
«Всем известно: ты сплетен ловец...»	33
Первый луч	34
Сходство	35
Миниатюры	36
Сосна голубой стороны	44
По русскому полю шагаю	49
Абезек	55
Памяти Кайсына Кулиева	56
Тишина и ребенок	58
Хоть ты уехала...	59
Первый снег	60
Грузии	61
Придя на свиданье...	62
Спасибо, речка...	63
Гяхыник	64

Дерево Сталинграда	66
Орайда	68
Сорок душ	70
Уголок России	72
Женские глаза	73

Другие переводы

«Похожи волны друг на друга...»	
Пер. В. Ащеулова	74
Возвращение.	
Пер. В. Яковлева	75
«Я навстречу ветке потянулся...»	
Пер. А. Лысова	76
Сыбызгы.	
Пер. В. Слядневой	77

Азрет Алиевич Акбаев

СВЕТ ДОБРОТЫ

Литературно-художественное издание:
поэтическое

Редактор **В. В. Рыбасова**

Художественный редактор **С. Ф. Бобылев**

Технический редактор **Н. И. Чигина**

Корректор **В. М. Воронкина**

ИБ № 2500.

Сдано в набор 01.12.89. Подписано в печать 22.05.90.
ВГ 38924.

Формат 70×84¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура
Журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л.
2,72. Усл. кр.-отт. 2,99. Уч.-изд. л. 2,48. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1852. Цена 30 коп. Ставропольское
укрупненное книжное издательство, 355017,
г. Ставрополь, пл. Ленина, 3. Ставропольское поли-
графическое объединение Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ставропольского
крайисполкома, 355106, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Во всех случаях полиграфического брака в экзем-
плярах книги обращаться в Ставропольское поли-
графическое объединение по адресу: 355106,
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Акбаев А. А.

А38 Свет доброты: Стихи. / Пер. с ка-
рач.— Ставрополь: Кн. изд-во, 1990.—
79 с.

ISBN 5-7644-0351-0

Это вторая книга поэта, изданная на рус-
ском языке.

В лучших стихотворениях автора отчет-
ливо видны нравственные духовные поиски,
патриотические мотивы, мир, полный своеоб-
разного национального быта, где органично
соединяются история и современность.

А 4702010202-30
М159[03]-90 33-90

84Р7 — 5[2Р37]

Азрет Акбаев —
карачаевский поэт,
член Союза писателей
СССР. Он рано
лишился отца:
тот погиб в Великую
Отечественную войну
под Сталинградом.
Детские годы Азрета
прошли в Казахстане.
Здесь он и написал свои
первые стихи.
Публиковался в Москве,
Казахстане,
на Ставрополье. Его
ведущая тема —
любовь к родному краю,
родному народу.

Ставропольское
книжное
издательство
1990

